

Нарративный плюрализм в романе С. Рушди «Сатанинские стихи»

Курова Надежда Сергеевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Индо-пакистанский писатель Салман Рушди известен прежде всего как автор скандальных «Сатанинских стихов» (S. Rushdie. *The Satanic Verses*, 1988). Последовавшие за этим порицание, изгнание с родины и фетва о смертной казни уже вписали «Дело Рушди» (*the Rushdie Affair*) в мировую историю как одно из самых громких медийных событий второй половины XX в.

Спорные интерпретации породили новые мифы, тексты о тексте, соединившие книгу и автора в единое целое. Само словосочетание *the Rushdie Affair* уже стало широко распространенным медийным понятием.

«Сатанинские стихи» сплетены из множества рассказов, мифов, исторических событий. Воспользовавшись метафорой Лиотара, можно сказать, что роман представляет собой «образцовый случай постмодернистского состояния», т. е. сочетание глобализма, лежащего в основе постмодернизма, с национальной, расовой, этнической и, безусловно, религиозной обособленностью.

Основными категориями, в которых мыслится постмодернизм как явление культуры, являются плюрализм, децентрация, неопределенность, фрагментарность и изменчивость. Принципы плюрализма и децентрации вытекают из общей установки постмодернизма – неприятия господства целого над отдельным.

Так, на протяжении всего повествования «Сатанинские стихи» представляют собой борьбу единичности / цельности повествования (четкое разделение между добром и злом, монокультурализм, неизменная субъективность) и множественности (гибридность; смешение сна и реальности, факта и выдумки, рождения и смерти). У произведения, как и у глобализующегося мира, четких границ нет и не может быть; даже явление Архангела Пророку во сне предстает реальностью.

Само понятие единства фигуры нарратора поставлено под сомнение. С самого начала рассказчик присутствует в тексте, самостоятельно вмешиваясь в дискурс персонажей и определяя свою роль не просто как всезнающего повествователя, но как автора-Создателя мира «Сатанинских стихов», чья власть над судьбами персонажей кажется безграничной. В системе «романного разноречия» [Бахтин] его тон выделяется своей индивидуализированностью и способностью вторгаться в мысли, действия и сны персонажей. Автор-Создатель не просто комментирует повествование, но в одном из эпизодов сам является одному из главных героев (Джибраилу), о чем впоследствии еще раз рассказывает читателю.

Однако в итоге рассказчик разводит свою позицию и позицию Бога, противопоставляя себя ему и рассуждая о своей неспособности вмешиваться в ход действия. Однако теперь он (имплицитно воспринимаемый как сатана) меняет свой способ коммуникации с персонажами и читателем и появляется лишь в мыслях персонажей в виде провокационного вопроса «What the idea am I?».

В некоторых главах повествовательный модус радикально меняется в пользу абсолютного исключения субъективного рассказчика и детальной фиксации окружающего мира (т. е. метод «камеры»). Однако рассказчик полностью не удаляется из текста, перенеся свои рассуждения в поле размышлений персонажей.

В дальнейшем части, составляющие эту своеобразную троицу (автор-Создатель, Сатана-разрушитель и объектив камеры), беспрестанно меняются, все более разделяясь. Такая двойственность в отношении правды и субъективности, авторитета и подчинения, равно как и нечеткость грани между говорящим, слушающим, видящим и записывающим насквозь пронизывают «Сатанинские стихи».

Один из главных персонажей – Джибраил Фаришта – натура экстровертная. Будучи звездой Болливуда, Фаришта исполняет роли индийских богов. Но реальность и иллюзия

для него смешиваются воедино: в своих снах он перестает быть человеком и, являясь Пророку Махаунду, становится ангелом Джibraилом (чье имя для христианина ассоциируется с именем архангела Гавриила). На некоторое время он берет на себя функцию рассказчика, чтобы объяснить, каким образом он ретранслирует пророку мысли Бога. Но как упоминалось ранее, к Джibraилу является тот рассказчик, который уже ассоциируется с дьяволом.

Однако «Сатанинские стихи», как и любое постмодернистское произведение, базируется на равноправном существовании самых разных позиций. Это касается и аспекта интерпретации названия. Сатана в исламской традиции – это Шайтан, но в контексте может иметься в виду и детское прозвище Джibraила, данное ему за непослушный нрав (в переводе с арабского *shaitan* значит не только «враг», «противник», но и «бунтарь»). Таким образом, повествовательный плюрализм перетекает в плюрализм интерпретации самого романа «Сатанинские стихи».

На протяжении всего произведения Рушди обращается к теме гибридности как на языковом, так и на смысловом уровне (аспект миграции, гибридность личности). Так, нарратор, подводя черту своему повествованию, призывает читателя открыться своему внутреннему многообразию и принять все аспекты своего «я».

Литература

Бахтин М. М. Слово в романе // Вопросы литературы. М., 1965. № 8. С. 84–90.

Lyotard J.-F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Minneapolis, 1984.

Rushdie S. The Satanic Verses. New York, 2000.